

УДК 398.221 (470.65)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В МИФОЛОГИИ ОСЕТИН

Таказов Ф.М.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Владикавказ, e-mail: fedar@mail.ru

Статья посвящена отражению эсхатологических мотивов в мифологии осетин. Анализу подвергаются эпические сказания осетин о нартах и царциатах, в которых эсхатологические представления получили наиболее яркое изображение. Помимо эпических произведений рассматриваются и этиологические мифы в осетинских легендах и несказочной прозе. Цель работы: на основе текстов эпических произведений о Нартах и Царциатах определить их значимость в реконструкции эсхатологических представлений осетин. Обзор сюжетов дает определенное представление и об архаичности ритуалов, стремившихся укрепить стабильность космоса. Рассмотренные сюжеты дают возможность определить степень влияния авраамистических религий на эволюцию эсхатологических представлений. Проведенное исследование позволяет выявить эсхатологические мотивы для реконструкции мифологической системы осетин. Результаты исследования могут быть применимы при изучении эпических произведений, религиозно-мифологических воззрений, фольклора и этнографии осетин.

Ключевые слова: фольклор, миф, мифология, космогония, этиология, эпос, эсхатология, мотив, сюжет, нарты, царциаты, легенды, несказочная проза, ритуал

ESCHATOLOGICAL MOTIFS IN THE MYTHOLOGY OF THE OSSETIANS

Takazov F.M.

North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research name V.I. Abaev VSC RAS and the Government of Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, e-mail: fedar@mail.ru

The article is devoted to reflection eschatological motifs in the mythology of the Ossetians. Are analyzed epics Ossetians on narta and tsartsia in which the eschatological idea received the most vivid image. In addition to the epic works are considered and etiological myths Ossetian legends and fairy-tale prose. Objective: based on the texts of the epic works of Narta and Tsartsia and determine their importance in the reconstruction of the eschatological representations Ossetians. Overview of subjects and gives some indication of the archaic rituals, seeking to strengthen the stability of the cosmos. The above stories enable us to determine the degree of influence of the Christian and Muslim religions in the evolution of the eschatological views. The study reveals the eschatological motifs for reconstruction of the mythological system of Ossetians. Results of the study may be useful in the study of epics, religious and mythological beliefs, folklore and ethnography Ossetians.

Keywords: folklore, myth, mythology, cosmogony, etiology, epic, eschatology, motif, plot, narta, tsartsia, legends, fairy-tale prose, ritual

Фольклор осетин, формировавшийся в течение многих веков, многообразен по своему содержанию. Наиболее значимое место в фольклоре занимают мифы. Мифы представлены во всех жанрах фольклора: легендах, эпических сказаниях, сказках, обрядовых и календарных песнях, притчах, причитаниях, пословицах и поговорках. В мифологии осетин весьма популярны космогонические, этиологические, тотемические, близнецные, героические, эсхатологические мифы.

Наиболее развернутые эсхатологические представления содержатся в эпических сказаниях осетин. В фольклоре осетин сохранились три эпоса: поэма о Нартах (*Нарты кадджытæ*), сказания о Даредзанте (*Даредзанты таурæгътæ*), легенды о Царциата (*Царциаты таурæгътæ*, *Царциаты диссæгътæ*). Хотя все три поэтических произведения отражают одну мифосистему, и в них встречаются одни и те же мифологические образы, относящиеся к так называемым небожителям – *зэдам и дуагам*,

однако каждое из них является самостоятельным произведением. Нет в них одинаковых сюжетов, образов.

Наиболее популярным и содержательным эпическим произведением по праву считается поэма о Нартах [1, с. 142–242]. В национальных вариациях Нарты бытуют у ряда народов Северного Кавказа. Нартовский эпос по своей художественной и культурологической значимости приравнивается к таким шедеврам народного творчества, как Илиада, Калевала, Махабхарата, Манас и др.

Основу нартовского эпоса составляют архаичные мифы. В нем отражены космогонические мифы о сотворении мира, о появлении первых нартов. «Мировое дерево» в эпосе является воплощением универсальной концепции трехуровневой модели мира. Яркое отражение в нартовском эпосе получили астральные, солярные мифы.

Эпические сказания о Царциатах более архаичны, но менее популярны, чем Нартовский эпос. Если сказания о Нартах и Даред-

зантах хорошо знакомы как исследователям, так и широкому кругу читателей, то мифы про Царциата до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Помимо осетин Нарты бытуют у многих народов Кавказа, а Даредзаны – у грузин. В отличие от них мифы о Царциата известны только осетинам. Царциата как предшественники осетин в горной части Северной и Южной Осетии были известным ученым еще в конце XIX столетия. Но интерес к ним ограничивался только этим упоминанием и рассказами о богатых захоронениях (могильниках) Царциат. «Они погибли каким-то необыкновенным и ужасным образом, поэтому, – писал Чурсин в 20-х гг. XX в., – обо всем необычном, вызывающем удивление, осетины говорят: «чудо царциатское». В селах Эдис и Хев до сих пор показывают захоронения – «царциатские холмы». После их гибели страна опустела, и все кругом заросло лесом. Тогда-то с севера на юг, вследствие малоземелья, переселились осетины. Осетинские предания ничего не говорят о грузинском населении и помнят только о царциатах» [13, с. 136].

В отличие от нартовского и царциатского эпосов, в сказаниях о Даредзанте мифологическое начало менее проявлено, на первый же план выступает героическое, и в них нет таких ярко выраженных эсхатологических мифов, которые мы наблюдаем в первых двух эпических произведениях.

Эпопея нартов и царциат заканчивается эсхатологическими мифами, представленными сюжетами о гибели нартов и царциат, о битве нартовских героев Сослана и Тотраза перед концом мира.

Основной мотив гибели нартов связан с божьим гневом. Согласно одним вариантам, нарты возгордились, перестали почитать небожителей (зэдов и дуагов) и самого Бога.

«Когда нарты возгордились, то начали спорить с богом. Стали делать двери без косяков. «Иначе бог подумает, – говорили они, – что мы молимся ему, если будем проходить через низкие двери и наклонять головы»» [7, с. 484].

Более того, чтобы сильнее рассердить Бога, Нарты стали истреблять небожителей, стараясь при этом задеть и самого Бога [5, с. 585–605].

Жизнь свою нарты проводили в битвах. В мире не осталось никого, с кем они не сразились. Сирдон, стремившийся погубить нартов, натравил их на Бога: «Вы же поклоняетесь Богу, так испытайте на нем свою силу». Нарты согласились с ним, но не знали где он, и как с ним биться. На это Сирдон посоветовал им разгневать его.

«Как же нам его разгневать? – спросили нарты.

– Погибнуть бы вам всем, нарты, – сказал Сирдон. – Перестаньте ему молиться, забудьте его имя. Поднимите повыше дверные косяки, чтобы не пригибать головы. Тогда, если есть где бог, он сам вас станет искать» [5, с. 585].

Нарты послушались Сирдона, подняли дверные косяки и перестали молиться Богу. Бог сотворил ласточку и послал ее к нартам узнать, за что они обиделись на него. В своем ответе нарты мотивировали свою обиду тем, что «Много услуг мы богу оказали, а он нам ни разу не показался, теперь пусть выходит, никак нельзя нам, чтобы не сразиться» [7, с. 485].

Подобный ответ посланцу Бога дают и царциата:

«Мы сами себе и Бог, и все остальное. Многих благ вы нас лишили. За свое благо от нас забирали в три раза больше благ. И хотя бы один раз вы показались перед нами» [3, с. 274].

В результате и нартам, и царциатам удалось разгневать Бога. Хотя он в итоге не предстал ни перед нартами, ни перед царциатами, однако показал и тем и другим свою силу. Бог сообщает нартам, что предстанет перед ними, когда те соберутся в пятницу на равнине Хуза у подножия горы Уаз. Когда же нарты собрались, чтоб сразиться с Богом, Бог опрокинул на них гору Уаз. В результате нарты погибли [5, с. 587].

Еще трагичнее обстояла судьба царциат. Бог наслал на скот царциат бесплодие, в результате чего они лишились скота. Но выступление царциат против Бога стало еще яростнее. Тогда Бог наслал на них новое испытание. Как и у нартов, нивы царциат днем зеленели, а ночью осыпались. После преодоления и этого испытания, Бог наслал на них болезни, женское бесплодие. Когда же царциата выдержали испытание и огнем, тогда Бог разверзнул землю, из которой на царциат обрушилась горячая лава.

Но перед тем как уничтожить нартов, Бог предложил им выбрать свою судьбу: «Всех до единого истребить или оставить плохое потомство?». Нарты выбрали смерть, ответив: «Лучше всеобщая гибель, чем плохое потомство» [7, с. 486].

В отличие от нартов, царциатам Бог не предложил выбор. Царциата сами просят Бога оставить хотя бы память о них: «Мы погибаем, но пусть имя наше останется здесь» [3, с. 275].

Приведенные мотивы отражают архаичные мифы о природных катаклизмах, гибели нартов и царциат. К архаичным мифам

следует отнести и мотив гибели поколений великанов.

«Сотворив мир, Бог решил создать людей. По его велению на земле появились уадмиры. Были это люди огромные и сильные, в ущельях они не помещались, земле их было трудно выдержать [6, с. 39].

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за уадмирами камбада – умом и силой на уадмиров похожие, а ростом невысокие, не выше нынешних десятилетних детей. Слишком малыми оказались камбада для жизни на земле.

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за камбада гамеров, но и они оказались слишком велики и ростом и силой.

И еще триста лет прошло, и сотворил бог вслед за гамерами гумиров. Не вышли и они под стать земле.

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за гумирами уаигов. Не удалась и они, слишком крупными оказались.

Триста лет прошло, и сотворил бог вслед за уаигами новый народ, нартов, и удалась им, ростом и силой были под стать земле» [7, с. 6].

Эволюция архаичных мифов шла по пути формирования этического учения о борьбе добра и зла. Яркое отражение этого концепта мы находим в сюжете «Предание о гибели нартовского рода» [5, с. 590–597].

В незапамятные времена, когда еще существовали великаны, а нарты были в зените славы и могли еще отправляться в небеса (к небожителям), жил нартовский Дзылы-малик со своим сыном. Наступили голодные годы. Дзылы-малик отправляет своего сына Темиркана к своему старому другу, небесному Уацилла, покровителю хлебных злаков. Уацилла подарил сыну своего друга совок из прутьев. Достаточно было поставить совок у дверей амбара, как к утру амбар наполнился зерном.

За свое спасение от голодной смерти нарты стали восхвалять Дзылы-малика, что не нравилось Сирдону, и он решил погубить Темиркана. Сирдон стал натравливать на Дзылы-малика нартов, которые по его наущению стали требовать от него все больше и больше. Темиркан вынужден был выполнять их прихоти. Каждый раз отправляясь на задание с риском для жизни, он добывал предметы, с помощью которых нарты забыли, что такое нужда. В конце концов Сирдон довел до конца свой коварный план и нарты убили Дзылы-малика. Тогда конь Дзиндзала, подаренный Дзылы-малику небесным Уастырджи, благодаря которому нарты уже не знали количество своих табунов, отправился к своему хозяину. Уацилла забрал свой совок из прутьев. Небесный Фалвара,

покровитель мелкого скота, также забрал подаренную им березовую ветку, с помощью которого хлева нартов наполнились баранами. Хлеба их превратились в песок, отары овец обернулись в камни, табуны их пришли в упадок, их острые мечи перестали рубить, а острые их языки онемели.

Благодаря своей изобретательности, нартам удается преодолеть бедствия, посланные на них Богом. Они сделали наконечники своих стрел раздвоенными и пускали их, срезая созревшие колосья. Стебли колоса перемалывали с зерном и этим жили в течение года. Потом они сказали: «Ведь мы сами сказали Богу, что отказались от вечной жизни, сами себе пожелали гибель». И каждый начал копать себе могилу. Так пришла гибель нартов [7, с. 487].

В отличие от нартовского эпоса, где после гибели нартов нет описания того, что происходило после происшедшей трагедии, в царциатском эпосе гибель царциат становится концом света, хотя происходит коренное изменение окружающей среды.

Так, после гибели царциат снег на вершинах гор больше не растаял, превратившись в вечные ледники. Места же обитания царциат заняли уайуги (великаны), из-за чего они стали злейшими врагами нартов. Однако уайуги погибают не от рук нартов, а от недуга, поразившего их. После гибели все уайугов нарты похоронили их рядом с царциатами [3, 277].

В сюжете «Поход Урузмага, Сафа, Батраза и Курдалагона» гибель нартов предвещает отсутствие взаимопонимания.

Нарты спорят, не могут прийти к согласию и отправляются в поход. Нартовские герои сталкиваются в походе с явлениями, которые они не могут объяснить. В одном месте они увидели лошадь, у которой внутри живота ржал еще неродившийся жеребенок. В другом месте большой кусок сыромятной свиной кожи и небольшой кусок сафьяновой кожи вступили в схватку. Сафьяновая кожа хватала большую свиную кожу и ударяла ее об землю, так что свиная кожа начинала харкать кровью. Далее встречаются другое диво: наполняют котомку зерном, затем пересыпают в мешок; мешок наполняется до краев, но когда зерно из мешка пересыпают обратно в котомку, то котомка наполняется лишь наполовину. В одной же пещере обнаруживают громадный рост человека, связанного громадной цепью. Человек из пещеры испытывает их, убедившись же в их слабости, говорит им, что и они тоже погибнут вскоре. Только Шатана смогла расшифровать увиденное и, затем, обратилась к Богу с молитвой: «Боже, мы перестали понимать друг друга и, чтоб

мы погибли, сделай так, чтобы нивы наши ночью нуждались в жатве, а днем зеленели» [5, с. 590–597].

Интересен один из вариантов гибели нартов («Гибель нартов»), записанный в мусульманском селе от сказителя-мусульманина.

Согласно этому варианту, у нартов был пророк Салих. Он просил нартов принять религию, не уточняется, какую именно: мусульманскую или христианскую, однако из контекста видно, что сказитель подразумевал только мусульманскую религию [11, 142–144].

В этом сюжете перемешались библейские и мусульманские мотивы. Сражение Давида с нартовским пелеуаном не что иное, как поединок библейского Давида и Голиафа. А то, что Давид откликнулся на призыв пророка, созвучно хадисам про Али и пророка Магомета.

Когда слова пророка не убедили нартов, он взмолился Богу и просил показать им диво. Бог внял просьбе пророка. Раздался треск скалы, и над расщелиной поднялась красная черноокая стельная верблюдица. Верблюдица отелилась прямо на вершине горы. Через некоторое время она захотела пить. Поднялась к истоку реки и начала пить. Долго не могла она напиться, и на все это время нарты лишились воды.

В этом эпизоде с библейско-кораническими элементами смешались традиционно сказочные мотивы о преграждении воды драконом. [8, 57–59].

Каждый раз, когда верблюдица начинала пить, нарты лишались воды надолго. Поверили они тогда в правоту пророка и решили убить верблюдицу, после чего теленок ее вернулся туда, откуда пришла его мать. Вскоре наступила гибель нартов. [2, 24–26].

В эсхатологических мифах осетин конец мира связывается с последним поединком нарта Сослана с нартом Тотразом.

«Лишь с помощью обмана удалось ему убить его. Потому на том свете возобновится их поединок. Снова сойдутся Тотраз, сын Алымбега Алагата, и булатный Сослан Ахсартагата, и снова будут они биться. Толпами будут собираться мертвые, чтобы поглядеть на этот невиданный бой. И если живые устроили в память мертвеца своего состязания в стрельбе и на высоких жердях поставили мишень, то мертвец будет с этой вышки смотреть на бой. Если живые в память мертвеца своего поставили надгробный памятник, то мертвец взберется на свой памятник, и виден будет ему небывалый поединок» [10, с. 211].

Мотив конца мира встречается и в осетинских легендах, в которых после по-

следней битвы Сослана и Тотраза сразятся Аксак-Темур и семь братьев Ладарта (*букв.* Простаков), затем земля задрожит и мир взорвется [9, с. 619]. Темур-Алсак (в образе которого сохранились отголоски деяний среднеазиатского завоевателя Тимура) не оставлял в покое семь братьев Ладарта. Братья долго терпели, затем погнались за Темур-Алсаком, намереваясь его убить. Когда Темур-Алсак уже не знал, где ему спрятаться на земле, то он вознесся на небо, превратившись в полярную звезду. Братья также вознеслись на небо, превратившись в созвездие Большой Медведицы [8, с. 34].

В приведенном сюжете усматривается один из факторов формирования этического учения о борьбе добра (Ладарта) и зла (Темур-Алсак).

Эсхатологические мотивы просматриваются и в этиологическом мифе об Артаузе (Самели), прикованном к луне громовержцем Уацилла [8, с. 29–37]. В случае освобождения Артауза (Самели) люди погибнут. Потому каждый кузнец делал лишний удар по наковальне, предотвращая тем самым утончение цепи Артауза (Самели) [12, с. 3–6]. Таким образом в мифе объясняется архаичное стремление укрепить стабильность космоса ритуальными средствами.

Эсхатологические мотивы в осетинской мифологии не ограничиваются рассмотренными мифами, но и они дают представление о разнообразии эсхатологических представлений, на которые определенное влияние оказали и авраамистические религии.

Список литературы

1. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ, 1990. – 640 с.
2. Дзагуров Г.А. Нарти исæфт (Гибель нартов) / ОРФ СОИГСИ, ф., оп. 1, д. 15.
3. Легенды о Царциата: эпос осетинского народа. (Царциаты таурагътæ: ирон адæмы эпос) / составит. Ф.М. Таказов. – Владикавказ, 2007. – 304 с.
4. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 1 (Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос) / составит. Т.А. Хамицаева. – Владикавказ, 2003. – 590 с.
5. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 5 (Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос) / составит. Т.А. Хамицаева. – Владикавказ, 2010. – 768 с.
6. Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке (Нартæ. Мифологи æма эпос дигорон æвзагбæл) / составит.: А.Я. Кибиров, Э.Б. Скотдаев. – Владикавказ, 2005. – 456 с.
7. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. – М., 1989. – 492 с.
8. Осетинские легенды (Ирон таурагътæ) / составит. Ш.Ф. Джикаев. – Орджоникидзе, 1989. – 496 с.
9. Осетинское народное творчество. Т. 1. (Ирон адæмон сфæлдыстæл) / составит. З.М. Салагаева. – Владикавказ, 2007. – 719 с.
10. Сказания о нартах: осетинский эпос: пер. Ю. Лебединского. – М., 1978. – 510 с.

11. Таказов Ф.М. Ислам в системе традиционной культуры осетин (XVIII – начало XX вв.). – Владикавказ, 2007. – 200 с.

12. Таказов Ф.М. Луна в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/108-8879> (дата обращения: 17.04.2013).

13. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк // ТЗН, серия I, вып. 1. – Тифлис, 1925. – С. 136–169.

References

1. Abaev V.I. Selected Works. Religion. Folklore. Literature. Vladikavkaz, 1990. 640 p.

2. Dzagurov G.A. Nart isæft (Twilight Narts) / RUF SOI-GSI, f., Op. 1, 15.

3. Legends about Tsartsiatia: epic Ossetian people. (Tsartsiaty tauræghtæ: Iron adæmy epos). Compiled Takazov F.M. / Vladikavkaz, 2007. 304 p.

4. Nart sagas. Epic of the Ossetian people. Proc. 1 (Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos) / Compiled Hamitsaeva T.A. / Vladikavkaz, 2003. 590 p.

5. Nart sagas. Epic of the Ossetian people. Proc. 5 (Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos) / Compiled Hamitsaeva T.A. / Vladikavkaz, 2010. 768 p.

6. Narts. Mythology and epic on Digorskaya language (Nartæ: Æma mythology epos digoron ævzagbæl) / Compiled by A.J. Kibirov and Skodtaev E.B. / Vladikavkaz, 2005. 456 p.

7. Narts. Ossetian heroic epic in three books. Proc. 2, Moscow, 1989. 492 p.

8. Ossetian legends (Iron tauræghtæ) / Compiled Dzhikaev Sh. / Ordzhonikidze, 1989. 496 p.

9. Ossetian folk art. T. 1 (Iron adæmon sfældystad) / Compiled Salagaeva Z.M. / Vladikavkaz, 2007. 719 p.

10. Tales of the narts: Ossetian epic (translation Yu. Lebedinsky). M., 1978. 510 p.

11. Takazov F.M. Islam in the traditional culture of the Ossetians (XVIII – beginning of XX centuries.). Vladikavkaz, 2007. 200 p.

12. Takazov F.M. Moon in folklore Ossetians // Modern problems of science and education. 2013. no. 2; URL: <http://www.science-education.ru/108-8879> (date accessed: 17.04.2013).

13. Chursin G.F. Ossetians. Ethnographic study // TDM Series I, Issue 1. Tiflis, 1925. pp. 136–169.

Рецензенты:

Бесолова Е.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Фидарова Р.Я., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 10.10.2014.